

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

Джулия
Энн Лонг

Треховная
невинность

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julie Anne Long

A NOTORIOUS COUNTESS CONFESSES

Перевод с английского *В. И. Агаянц*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лонг, Джулия Энн.

Л76 Греховная невинность : роман / Джулия Энн Лонг ;
[пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-092808-8

Недавно овдовевшая красавица Ева Дагган — куртизанка, сумевшая выйти замуж за своего покровителя-графа, — наивно полагала, что бомонд забудет о ее прошлом. Однако бывшей даме полусвета не нашлось места в обществе, и Ева, униженная и отвергнутая, была вынуждена поселиться в провинции, в унаследованном от мужа доме. Именно там, в сельской глуши, она впервые в жизни страстно полюбила. Но, увы, предметом ее страсти стал не кто иной, как молодой священник Адам Сильвейн, которого все в округе считают образцом добродетели. Так смеет ли бывшая куртизанка рассчитывать на то, что Адам ответит на чувство, которое ей все труднее скрывать?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-092808-8

© Julie Anne Long, 2015
© Перевод. В. И. Агаянц, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Церковь — последнее место, где ее стали бы искать, в этом она не сомневалась. Впрочем, Ева не надеялась спасти свою душу, отмаливая грехи. Слишком поздно было каяться. Молва уверяла, будто душа ее так же черна, как вдовий наряд, который она сбросила с непристойной поспешностью, торопясь задрать юбки перед лордом Булма-ном, графом Уэрреном. Несчастливым простаком, которого впоследствии она и убила с той же скандальной стремительностью. Хотя чего еще ожидать от особы... с таким прошлым?

Все это, разумеется, было чистейшим вздором. Ева носила траур ровно столько, сколько предписывал светский этикет (покойный граф велел вытиснить ее имя золотом на обложке книги со сводом правил хорошего тона — он обожал забавные выходки такого рода). Ева изучила книгу вдоль и поперек — разве что не вызубрила наизусть, словно заклинание, которое способно распахнуть перед ней все двери, разрушив стену холодного пренебрежения высшего света.

Вдобавок... если граф и оказался несчастной жертвой, то погубил его... собственный энтузиазм.

Главной ее ошибкой стала наивность. (Ева впервые услышала это словечко от некоего французского принца в изгнании, который назвал ее наивной.) При воспоминании о прошлом Еву и теперь охватывала досада. До того как выйти замуж за графа, она воображала, что эпитафия на ее могиле будет звучать так: «Здесь покоится Ева Дагган. Ни-

кому не удалось взять над ней верх». После замужества она позволила себе какое-то время почивать на лаврах и даже предалась мечтам: «Здесь покоится Ева Дагган... преданная жена и нежная мать, в мире не было женщины, которую любили бы сильнее...»

Именно в этом... и заключался непростительный промах. Если б не безрассудные фантазии, Ева, возможно, предугадала бы, что случится дальше. Мечты размягчают. Ей не следовало забывать, что судьба благоволит прагматикам, а не мечтателям.

Теперь же она чувствовала себя слишком измотанной, чтобы всерьез беспокоиться о спасении своей грешной души. Непривычная усталость удручала ее, пригибала к земле, душила, как тяжелое колючее одеяло.

Ева благочестиво сложила руки на коленях. Тонкие пальцы в элегантных перчатках сами собой образовали фигуру наподобие купола древнего храма. Она всегда предпочитала учиться с помощью подражания. Горничная Хенни, сидевшая рядом, заерзала, устраиваясь поудобнее. Скамьи установили много веков назад, когда мужчины и женщины были куда меньше ростом, что, как подозревала Ева, помогало им проворно карабкаться на деревья и прятаться в листве — так поступают белки при приближении хищника. История Англии полна жестокости и лютой злобы. По крайней мере, так уверял один из восторженных поклонников Евы, вертевшийся за кулисами театра «Зеленое яблоко», где она некогда начинала свою сценическую карьеру. Он мог предложить ей лишь букетики полевых цветов да свою страсть к истории. Это, разумеется, означало, что у него не было ни единого шанса привлечь внимание Евы. Она всегда отличалась практичностью и здравым смыслом, однако питала глубокое уважение к страсти любого рода, а также умела слушать. Оба этих качества сослужили ей неплохую службу.

Безжалостный высший свет превратил печально знаменитую Еву Дагган в испуганную белку как раз в тот миг, когда ей казалось, что она напала на золотую жилу. Волею судьбы оказавшись в Суссексе, в Пеннироял-Грин, она на-

деялась, что сможет на время укрыться здесь. Затаиться, пока не уляжется шумиха. В конце концов, в этом городке нашли пристанище Эверси, один из которых когда-то ловко сбежал прямо с помоста виселицы, устроив взрыв и исчезнув в клубах дыма на глазах у многотысячной толпы. Разве ее история не меркла в сравнении с этим скандалом?

Однако позорное прозвище, которым заклеил Еву свет, оказалось чертовски живучим и приклеилось к ней намертво.

Впервые она почувствовала, что собственная судьба ей больше не подвластна. Жизнь, словно норовистая кобылица, вырвалась у нее из рук, оборвав узду. Ева беспомощно завертелась волчком, зашаталась на нетвердых ногах, не зная, куда теперь идти. Возможно, поэтому ее вдруг завожил звон церковных колоколов, когда вскоре после рассвета карета графини въехала в городок Пеннироял-Грин. Казалось, колокола манят, зовут к себе, и Ева поспешила на зов. Быть может, в этой новой жизни ей предстояло стать благочестивой особой, посещающей церковь, а не роковой красавицей, чье появление на аллее Роттен-Роу в Гайд-парке неизменно вызывало сенсацию — стоило ей выехать на верховую прогулку в сопровождении очередного воздыхателя, как другие всадники сворачивали шеи, провожая ее жадными взглядами, и падали с седел. Кто знает, возможно, со временем ей удалось бы подружиться со здешними женщинами, ведь у нее не осталось ни единого друга, хотя еще недавно Ева думала, будто ее окружает множество друзей.

— Тебе обязательно поминутно ерзать, Хенни? — прошипела она.

— Прошу прощения, миледи, но эта скамейка жесткая, как сердце палача, и узкая, точно крысиная нора. Моя нижняя юбка задралась аж до самой зад...

Две леди на передней скамье повернули головы, широко разинув рты от негодования.

Они уставились на Еву, придиричиво оглядывая отороченную мехом накидку и изящную шляпку, льнувшую к лицу, словно игривые пальцы любовника, оттеняя высокие скулы и изумрудно-зеленые глаза. На перекошенных лицах жен-

щин отразилась богатая гамма чувств: изумление, подозрение, зависть, замешательство и, наконец, откровенное любопытство.

Но, слава богу, не узнавание.

Ева ответила им легкой безмятежной улыбкой.

Наклонившись к госпоже, Хенни пробормотала вполголоса:

— Батюшки мои, здешние горожане на диво любезны, миледи. Пялятся, раззявив рты, прежде чем начнут донимать всякого, кто стоит выше них.

Женщины мгновенно отвернулись, уставившись перед собой. Шелковый цветок на шляпе одной из кумушек мелко трясся, будто от ужаса. О, Хенни умела нагнать страху.

Послышался торопливый шелест, словно ветер завоплощил траву на лугу. Мгновение спустя Ева поняла, что означал этот звук: головы всех собравшихся повернулись в сторону алтаря, а обтянутые шерстяным сукном зады беспокойно скользнули по отполированным до блеска деревянным скамьям.

Ева тоже повернула голову.

И тотчас поймала себя на мысли: «Ну, здешний пастор явно слишком высок для духовного лица». Однако, хорошенько подумав, Ева не смогла припомнить, чтобы когда-нибудь видела настоящего священника. Может, устрашающий рост полагается им по должности, без этого их не принимают на службу? Она с удивлением отметила, что у пастора прекрасная фигура: широкие плечи, тонкая талия и узкие бедра. В руках у него зашуршали листы, наверняка исписанные наставлениями, главное назначение которых — очистить и возвысить души прихожан. Священник склонился над своими записями, будто согнулся под тяжестью незримых крыльев.

Ева могла бы поклясться, что плечи всех собравшихся в церкви женщин приподнялись и опустились в едином вздохе, когда пастор поднял глаза и улыбнулся, прежде чем снова уткнуться в страницы проповеди. Его легкая теплая улыбка, не обращенная ни к кому и все же адресованная каждому, сделала бы честь любому священнику. Ева провела

достаточно времени на театральных подмостках, чтобы по достоинству оценить актерское мастерство. И она достаточно хорошо знала мужчин и относилась к ним с изрядной долей цинизма.

Мужчины ее больше не интересовали. Ева не нуждалась в них. И это обстоятельство, вне всякого сомнения, выгодно отличало ее новую жизнь от прежней.

Впрочем, Хенни придерживалась иного мнения на сей счет, не разделяя взглядов хозяйки. Похоже, она не осталась равнодушной к чарам молодого священника.

— Силы небесные! — прошептала служанка, вцепившись в руку Евы, и, чуть помедлив, добавила: — Нет, вы только взгляните на этого парня! Я бы не задумываясь пустила его в свою постель, уж не заставила бы его ждать...

Ева с силой ткнула ее локтем в бок.

— Доброе утро. Благодарю вас, что пришли.

Голос пастора поразил Еву: звучный, как колокол, чуть хрипловатый баритон напоминал яркий солнечный луч, проглянувший сквозь нависшие тучи серым пасмурным днем. Хотелось закрыть глаза и наслаждаться чарующей красотой этого голоса. Ева смежила веки, слегка запрокинула голову, будто подставляя лицо солнцу, и замерла.

Однако обостренное чувство опасности заставило ее снова открыть глаза. Она как-то слышала, что один из Эверси уснул в церкви, повалился вперед и разбил подбородок о спинку передней скамьи, прежде чем рухнуть на пол.

Ева вся обратилась в слух.

— Козлы, — произнес священник.

Прихожане заволновались — кое-кто смущенно заерзал. Послышался кашель, похожий на сдавленные смешки и фырканье.

Ева тоже смешалась, но не теряла надежды. Неужели преподобный собрался попотчевать ее проповедью о козлах? Нет, это попросту невозможно. Наверное, он сказал... послы, а не козлы? Это ведь куда интереснее.

— Многие из нас держат этих рогатых животных, — продолжал пастор, — поэтому мы знаем, что те обычно бодаются по двум причинам: ради забавы или... утверждая свое превосходство.

Значит, речь все же шла о козлах! Господи боже! Если бы Еве требовалось убедиться, что она больше не в Лондоне, едва ли нашлось бы более убедительное доказательство. Почему-то ей не приходило в голову, что в Пеннироял-Грин можно умереть от скуки. Скука всегда вселяла в нее ужас. До сих пор Еве неизменно удавалось избегать этой напасти, она обладала настоящим даром. Не зря бессознательное чувство самосохранения подсказывало ей держаться подальше от церквей.

Она бросила отчаянный взгляд на дверь. Вряд ли у нее хватило бы смелости броситься бежать по проходу между рядами, а распахнуть тяжелую старинную дверь она смогла бы разве что налетев на нее всем телом, точно таран, хотя, возможно, Хенни справилась бы с этой задачей успешнее.

Но Хенни восторженно пожирала глазами пастора.

Снова повернувшись к алтарю, Ева обнаружила, что солнце уже довольно высоко и его лучи вливаются в окно церкви, освещая фигуру проповедника. Зрелище заворожило ее. Казалось, перед нею разыгрывалась пьеса на сцене небесного театра. Округлые черты и угловатые контуры лица священника сошлись воедино будто с единственной целью — разбивать женские сердца. Прекрасной лепки подбородок разил наповал, словно отточенный клинок, заостренные скулы заставляли вспомнить о неприступных крепостных стенах, а строгая линия рта ввергла бы в соблазн и святую. О таких лицах стихотворцы слагают поэмы. Причудливая игра света и теней придавала его чертам особую выразительность. В них удивительным образом сочетались чувствительность и непреклонность.

Разумеется, сердцу самой Евы опасность не грозила по той простой причине, что ни один мужчина не сумел бы к нему подобраться. И все же зачем простому священнику из крошечного городка внешность неотразимого красавца, величественная осанка, спокойная властность и уверенная манера держаться? Ева слишком хорошо знала мужчин, чтобы понимать: удивительное внутреннее спокойствие пастора действует на прихожан сильнее привлекательной наружности, именно оно и притягивает к нему все взгляды.

Она съехала на узкой скамье, внезапно почувствовав, что угодила в ловушку. Пришлось напомнить себе, что она в церкви, а не в тюрьме. А поскольку сбежать Ева не могла, оставалось лишь стойчески терпеть. Любоваться священником, как любят пейзажем за окном кареты, и рассеянно слушать его голос, будто это пение птиц или шум морского прибоя. Такая тактика помогла ей продержаться какое-то время. Но могучее горячее бедро Хенни прижималось к ее бедру, как жаркая подушка, обтянутая саржей, вдобавок яркие лучи, бившие в строгое витражное окно, не только освещали пастора, но и ровным прямоугольником ложились на скамью, где сидела Ева. Солнце пекло немилосердно. К тому же она устала, ужасно устала. Ее мысли медленно текли, цепляясь друг за друга, пока не начали расплываться.

Последнее, о чем она успела подумать, прежде чем ее сморил сон: «Если он ангел, то наверняка падший».

Ева подозревала, что у молодого пастора есть тайны, и твердо намеревалась их выведать.

Когда козел мистера Элдреда напал на мистера Брануэлла, заставив последнего пролететь пять футов по саду, это было не что иное, как ответ на молитвы преподобного Адама Силвейна. Тем утром Адам пребывал в отвратительном настроении. Нещадно грызя в досаде перо, он писал одну пустую банальную фразу за другой, затем хватал листок, яростно комкал и швырял на пол, пока у стены не образовалась гора бумажных шариков, похожих на снежки. Временами он отчаянно ерошил густую копну волос (остриженных не слишком коротко именно с этой целью) и горестно сетовал, что выбрал духовное поприще, а не военное — уж лучше пасть на поле боя от вражеской пули, чем стоять в воскресенье перед толпой прихожан, чувствуя, что тебе нечего, ровным счетом нечего им сказать.

Иными словами, суббота начиналась как обычно.

Но потом в доме священника появился мистер Брануэлл и, дрожа от негодования, продемонстрировал внушительную прореху сзади на брюках. Печальный инцидент (как выяснилось, у соседей вышел спор из-за земельных границ) рас-

шевелил фантазию пастора. Охваченный вдохновением, он схватился за перо, и в одиннадцатом часу (подобное всегда случалось в начале одиннадцатого) «козлиный конфликт» обернулся пламенной проповедью о любви к ближнему. Надо признать, несколько прихожан истолковали эту заповедь слишком буквально и следовали ей тайком. Адам знал об этом, поскольку, прослужив год в приходе Пеннироял-Грин, завоевал доверие паствы. Многие изливали перед ним душу, выкладывали самые сокровенные тайны.

«Преподобный знает подход к людям, — говорили они друг другу. — Он славный малый. Такой спокойный, уверенный. Ему можно рассказать все, и он всегда найдет нужные слова».

Однако в действительности Адам подчас понятия не имел, что отвечать. Нередко ответ приходил к нему, лишь когда прихожане вываливали на него свои беды, с надеждой или с вызовом заглядывая ему в глаза. За год тихой жизни в Пеннироял-Грин, куда он приехал по приглашению богатого дядюшки Джейкоба Эверси, чтобы занять скромное место приходского священника, Адам открыл для себя, что его работа напоминает переход по длинному темному тоннелю с горящим факелом в руке. Слабый свет факела не позволяет видеть ничего далее нескольких шагов. Иногда из темноты на путника бросаются летучие мыши, задевая крыльями лицо. Изредка на его пути встречаются тайники, полные сокровищ, или горы отбросов, а то и ямы с нечистотами. Временами тьма сгущается, и приходится пробираться вперед на ощупь.

По счастью, Адам любил неожиданности. Для него даже неприятные сюрпризы таили в себе необъяснимую притягательность. Впрочем, втайне он сознавал, что принадлежит к породе завоевателей. Младший из шести бойких детей, вечно соперничавших друг с другом, Адам бывал временами дьявольски упрямым. Он не привык пасовать перед трудностями, будь то экзамены в Оксфорде, состязания в меткости или иные доказательства успеха, которым столько значения придавал его отец, человек весьма крутого нрава. Адам не опускал руки в отчаянии, когда проповедь не писалась или

надо было придумать, как помочь не погибнуть от голода обнищавшему семейству О'Флаэрти, жившему на окраине городка. Еще мальчишкой он приучил себя добиваться совершенства во всем, за что бы ни брался, а потом следовал этому правилу всю жизнь, весело, обстоятельно и безжалостно покоряя одну вершину за другой, не давая себе поблажек. Кузены Эверси обнаружили в нем это качество не так давно. На состязаниях по стрельбе на первенство Суссекса Адам изумил свою родню, когда спокойно, без всякой шумихи поразил все мишени до единой. Он вернулся домой с серебряным кубком победителя, завоевав уважение всех мужчин в Пеннироял-Грин, тотчас решивших, что внешность священника не имеет значения, коли тот разбирается в ружьях, лошадях и собаках. А Адам Силвейн определенно знал в этом толк.

Появление в городке нового священника местные жители поначалу встретили с известной долей недоверия. Молодой пастор состоял в родстве с Эверси (по материнской линии) и, разумеется, унаследовал от них высокий рост и внешность неотразимого красавца. Последнее обстоятельство привлекало в церковь по воскресеньям толпы народа и наполняло томлением женские сердца. Адам знал: кое-кто из прихожан побаивается (а кое-кто робко надеется), что он начнет завязывать тесные отношения с паствой и соблазнять женщин. Далеко не все Эверси были мошенниками и распутниками. Однако люди обычно помнят не праведников, а грешников.

Адам понимал, что к нему пристально присматриваются, и главное для него — вести себя безупречно. Так он и поступил. Новый пастор любил людей, а потому без малейшего усилия сумел очаровать жителей городка — природа щедро наделила обаянием всех Эверси. Он не строил глазки молодым прихожанкам (среди которых встречалось немало хороших) и не бросал на них томные, загадочные взгляды. Адам никому не оказывал предпочтения, деля внимание поровну между всеми. Он поставил себе целью стать лучшим священником и теперь, оглядываясь назад, находил свое решение попросту комичным. Неустанными упражнением

ми можно добиться меткости в стрельбе по мишеням, но в духовного пастыря, сколько ни старайся, не превратишься, тут одного желанья мало. Это случилось помимо воли Адама. Как жестко ни контролировал он каждый свой поступок, каждую мысль, некоторые вещи, похоже, контролю не поддавались. Адам и представить не мог, что пасторские обязанности, заставившие его погрузиться в жизнь городка, столь многое изменят в нем. Череда рождений, свадеб и смертей, нескончаемая круговерть радостей, бед, тайн, нужд и мелких забот прихожан отшлифовали его дух, словно драгоценный камень, отсекали все лишнее, обнажив самую суть, и привели Адама к смирению. Не ожидая больше ни благодарности, ни признания, он сумел проникнуться людскими горестями и тревогами. Все дни Адам проводил в трудах, у него не было времени даже помечтать о том, чтобы соблазнить женщину. Каждую свободную минуту он отдавал прихожанам. Незаметно для себя он перестал стремиться к первенству и больше не желал сделаться лучшим священником, а лишь молил Господа послать ему терпения и мудрости, чтобы достойно исполнять свой долг. Постепенно набираясь опыта, он умело руководил делами церковной общины, однако в душе сомневался, что достоин своего сана. Адам знал лишь, что всегда будет стараться заслужить эту честь и оправдать доверие людей.

Со временем его все реже мучили ночные кошмары, в которых он совершенно голым стоял у алтаря перед прихожанами.

Однако женская половина паствы по-прежнему с пугающей регулярностью видела во сне эту же самую картину.

Пастор стоял на залитом солнцем церковном крыльце, а прихожане один за другим подходили к нему, чтобы поблагодарить за проповедь и обменяться рукопожатиями. Миссис Снит, почтенная мать семейства, остановилась перед ним, сияя улыбкой. Эта достойная дама воспитала пятерых сыновей, и все ее отпрыски, успешно женившись, добились неслыханных успехов в карьере. Впрочем, под строгим ма-тушкиным надзором они бы не осмелились сплеховать. Теперь миссис Снит возглавляла целый батальон женщин,

известный как Суссекское общество попечения о бедных, и видела свое призвание в том, чтобы творить добро и наставлять на путь истинный всякую заблудшую душу, какая только попадется ей в руки. Она как-то призналась Адаму, что ее самое заветное желание — увидеть чудо, настоящее чудо. В беседах с другими прихожанами миссис Снит называла нового пастора «образцовым священнослужителем», что заставило самых закоренелых скептиков отбросить последние сомнения в его непогрешимости.

— Чудесная проповедь, преподобный. Возлюби ближнего своего — прекрасное наставление на все времена, но часто следовать ему бывает ох как непросто. Надеюсь, на будущей неделе вы придете к нам на ужин. Мы обсудим предстоящий аукцион и другие зимние празднества.

В Пеннироял-Грин планировалось провести серию благотворительных мероприятий по сбору средств в пользу бедных: аукцион, городской бал и более многолюдное празднество, на которое дамы собирались пригласить гостей из соседних городов. Миссис Снит со своим комитетом занимались организацией торжеств, однако им то и дело требовались советы и одобрение пастора. Дамы оказывали поистине неоценимую помощь в многообразных делах прихода, требующих постоянного внимания и заботы.

Но, будучи незаменимыми, они и святого могли вывести из себя. Весьма пикантное сочетание, по мнению Адама.

— Я бы ни за что не упустил такую возможность, миссис Снит, — почтительно заметил он.

— Моя племянница из Корнуолла приезжает погостить, она присоединится к нам за ужином, — как бы невзначай обронила почтенная матрона.

Разумеется, кто бы сомневался...

— Буду рад познакомиться еще с одним членом вашей семьи.

— Она замечательная рукодельница. Ее вышивки просто бесподобны.

— Должно быть, вы очень... гордитесь ею.

Адам невольно запнулся, потому что именно в этот миг увидел хрупкую, миниатюрную женщину рядом с другой,

огромной, как медведь. Та, что поменьше, сонно моргала и шурилась на солнце, будто вышла на свет из подземелья. И неудивительно. Луч света, словно указующий перст Божий упал на нее во время проповеди, и Адам заметил, что она крепко спит, слегка привалившись к «медведице». Мало того, она, кажется, еще и тихонько похрапывала, судя по трепещущей вуали у нее на шляпке.

Никогда прежде никто не засыпал на его проповедях. До Адама донеслись обрывки разговора.

— Забавно, что ты у нас вдруг стала знатоком правил хорошего тона, Хенни, но когда священник выглядит как...

— ... понятия не имею, что значит «чопорный», но оставим в стороне мудреные слова. Я просто изголодалась по зрелищам, с тех пор как мы приехали сюда, если вы понимаете, о чем я, миледи. Так что будьте так любезны...

— ... не хочу привлекать к себе внимание, Хенни, а ты знаешь...

— Вам понравился мед, преподобный? — Миссис Кранборн проскользнула на место миссис Снит и, лучезарно улыбаясь, обращалась к Адаму.

— Мед... ах да, еще раз благодарю вас за щедрый дар, вы очень добры.

Пастору вечно преподносили банки с медом, вареньем, яблочным джемом и всевозможными целебными мазями. Адам подозревал, что подобным способом ему намекали, насколько приятнее стала бы его жизнь, решишь он вручить бразды правления женщине. Однако преподобный, по выражению его тетушки Изольды Эверси, оставался «опасно неженатым». Впрочем, чувства тетушки можно было понять, учитывая, сколько хлопот и волнений доставили ей в свое время сыновья, Колин и Йен. Самого же Адама вполне устраивало положение холостяка. Правда, на смену кошмару, в котором он видел себя голым у алтаря, пришел другой, где он плыл по дому священника, утопая по шею в черничном варенье, и, добравшись наконец до выхода, обнаруживал, что дверь наглухо зашита разноцветными нитками, а посередине аккуратными стежками выведена надпись: «Благослови Господь наш дом».

К его удивлению, маленькая дама и «медведица» подошли ближе.

Миссис Кранборн бросила взгляд на огромную женщину в темном саржевом платье, вздрогнула и невольно попятилась, изумленно округлив глаза.

Адам впервые внимательно посмотрел на леди, которой наскучила его проповедь. Ее внешность поражала обилием ярких цветовых контрастов: черные локоны на висках оттеняли белый алебастр щек, а ярко-зеленые глаза сияли, как два изумруда, под дымчатой вуалью, свисавшей со шляпки. Элегантная накидка лежала изящными волнами и соблазнительно колыхалась при каждом движении. Лишь самые лучшие портнихи способны достигнуть подобного совершенства — уж это-то Адам знал. Стоявшая перед ним женщина казалась нереальной, словно сошедшей со страниц книги. Определенно, ее можно было назвать красавицей. Но Адама привлекала красота иного рода. Ему нравились женщины земные, простые и бесхитростные, вроде Дженни, дочери леди Фенимор, чьи непослушные волосы не могли удержать никакие шпильки. А эта особа казалась замкнутой, накрепко запечатанной и сияющей гляncем, точно банка с вареньем.

— Надеюсь, преподобный, вы не сочтете мой поступок неподобающим, поскольку нас должным образом не представили друг другу. Я лишь хотела поблагодарить вас за проповедь. — Взгляд, которым она одарила свою компаньонку-гренадершу, явственно говорил: «Ну что, довольна?», словно она произнесла это тоже вслух. — Я графиня Уэррен, а это моя камеристка, Хенриетта Лафонтен.

Графиня Уэррен... имя женщины отозвалось эхом в мозгу Адама. Какое-то смутное воспоминание царапнуло память. Определенно, он что-то слышал о ней. Внешность дамы говорила сама за себя, поэтому его не удивил ни ее титул, ни столичный выговор — чеканные согласные и ленивые, протяжные гласные звуки. Эту разновидность языка Адам называл про себя лондонским ироничным диалектом. Казалось, ничто, ничто в целом мире не способно вызвать у леди Уэррен интерес, поэтому она смотрит на всех равнодушным, насмешливо-снисходительным взглядом.